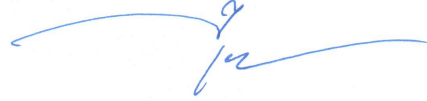

На правах рукописи

ГЕТАГАЗОВА Ася Магомедовна

***СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ИНГУШСКОЙ ЖЕНЩИНЫ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ***

Специальность 5.6.4. Этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Нальчик 2026

Работа выполнена в Научно-исследовательском центре ФГБНУ «ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (КБНЦ РАН, г. Нальчик)

Научный руководитель: **Албогачиева Макка Султан-Гиреевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры «Отечественная история и этнология» научно-образовательного центра «ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (г. Нальчик)

Официальные оппоненты: **Емельяненко Татьяна Григорьевна**, доктор исторических наук, научный сотрудник ведущей категории отдела этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана ФГБУК «Российский этнографический музей» (г. Санкт-Петербург)

Мутиева Оксана Саидовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» (г. Махачкала)

Ведущая организация: ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (г. Москва)

Защита диссертации состоится «___» _____ 2026 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам 24.2.308.02 на базе ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173. Зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова и на официальном сайте университета: <https://diser.kbsu.ru/>. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства науки и высшего образования РФ <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Нальчикова Елена Аниуаровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена теоретической и практической значимостью проблемных вопросов, касающихся научного анализа положения ингушской женщины в обществе, осмысления её исторического и современного восприятия в коллективном сознании народа, выявления её новых ролей в условиях глобализации. Исследование направлено на изучение сложного взаимодействия традиций, духовных убеждений и культурных идентичностей в контексте глобальных интеграционных процессов.

Современные женщины во всех странах мира активно участвуют в социальной, политической, экономической и культурной сферах жизни общества. При этом их роль и влияние в этих аспектах неуклонно возрастают, способствуя постепенному продвижению к достижению гендерного равенства. Однако для каждой этнокультурной группы характерна своя уникальная модель поведения, которая обладает как специфическими чертами, так и общими с другими культурами особенностями. Исторически сложилось так, что общественное устройство каждого народа формировалось с учётом биологических различий между мужчинами и женщинами в распределении социальных ролей, и эти различия были закреплены религиозными и бытовыми представлениями¹. Урбанизация и глобализация привнесли значительные изменения в системы социальных ролей и общепринятых норм женской половины общества. Это напрямую касается и ингушских женщин, в прошлом обременённых множеством трудоёмких обязанностей по ведению домашнего хозяйства, значительно усложнявшихся ввиду проживания народа в сложных географических и социально-экономических условиях, но кардинально изменившихся за последнее столетие.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на значимость ролей, которые ингушская женщина выполняла в традиционном обществе, она до сих пор остаётся слабо изученной фигурой в отечественной и мировой этнологии. На сегодняшний день в научной литературе отсутствует единая концепция, определяющая её социальный статус и агентность.

В представлениях народа её основная задача заключается в продолжении рода и передаче из поколения в поколение традиционных устоев и культурных ценностей этноса, которые формировались на

---

¹ Албогачиева М.С.-Г. Ингушская женщина в городской и сельской среде // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 290.

протяжении веков. В то же время такой формат восприятия социальной роли ингушской женщины следует рассматривать как недостаточный и поверхностный. Для более глубокого понимания необходимо комплексное исследование, включающее научную проработку заявленной темы.

Исторически ингуши строго придерживались своих традиций. Но постепенно традиционные нормы трансформировались либо исчезли совсем. Однако, несмотря на это, ингушский народ сохранил свою этническую идентичность. Многие архаичные формы социального взаимодействия существуют до сих пор.

Традиционно ингушская женщина занимала второстепенное положение в обществе по сравнению с мужчиной. Она подчинялась внешним условиям социальной структуры, но при этом успешно адаптировала их к своей жизни. Это делало её важной фигурой в этносе. В народных представлениях считается, что женщина способна как возвысить свой народ, так и унижить действием или словом.

Вместе с тем некоторые исследователи XIX – начала XX вв. отмечали, что социальная значимость ингушской женщины в обществе сводилась лишь к выгоде от потребления её ресурсов: репродуктивного потенциала, трудового участия в жизни семьи, как залога союза двух семей и других. В то же время другие исследователи отмечали, что определённую общественную власть, скрытую под слоями стереотипов, ингушки все же имели. Так, например, первый профессиональный этнограф ингушского происхождения Ч.Э. Ахриев писал: «Женщина, какими бы предрассудками она ни была разъединена от членов своей семьи, будет служить связующим элементом между ею и остальными, и она в качестве жены, сестры и особенно матери непременно будет влиять на сына, дочь, брата и даже мужа. <...> Распространив это правило, мы можем сказать, что женщины как матери всегда имеют влияние на членов своей семьи, через это самое влияют и на весь народ»¹.

В наши дни ингушская женщина становится важным субъектом общества и выходит на новую, исторически значимую позицию в сложной системе общественных взаимоотношений. В её жизненном укладе произошли существенные изменения, связанные с социальным статусом. Во многих вопросах она стала равноправным членом общества. Однако часть общества сохраняет стереотипные ожидания, связанные с традиционным образом женщины как носительницы идеалов национальной идентичности, что вступает в противоречие с современными процессами эмансипации.

---

¹ Ахриев Ч. Э. Об ингушских женщинах // Терские ведомости. 1871. № 31. С. 3

По мнению Н.Л. Пушкаревой, основоположницы исторической феминологии и гендерной истории в советской и российской науке, противоречия, связанные со статусом и возросшей социальной ролью женщины, требуют глубокого научного осмысления, всестороннего анализа и фиксации¹.

Как справедливо отмечает доктор социологических наук, профессор Н.П. Романова вопрос о статусе женщины в обществе можно отнести к числу наиболее дискуссионных и «вечных» проблем, рассматриваемых в рамках традиционной социологии². Ввиду этого в данном исследовании мы будем придерживаться устоявшегося в социальных науках понятия «статус», которое рассматривается как «устойчивое положение внутри социальной системы, связанное с определёнными ожиданиями, правами и обязанностями»³.

Ключевые термины и определения исследования. Объективное изучение предмета требует корректного использования терминологии. В работе, несмотря на дискуссионный характер некоторых определений, используется категориально-понятийный аппарат, принятый в большинстве научных исследований.

В контексте анализа религиозной динамики в ингушском обществе в данной работе применяется термин «реисламизация». Под реисламизацией здесь понимается масштабный социальный процесс сознательного и идеологически мотивированного возврата к нормам ислама после периода официального секуляризма, ведущий к перестройке индивидуальной и коллективной идентичности. В рамках данного исследования термин «язычество» применяется для обозначения носителей доисламских политеистических культов, характерных для ингушского народа. Это понятие используется при реконструкции архаичных религиозных представлений, исторически предшествовавших и впоследствии интегрированных в исламскую традицию региона. Выбор термина обусловлен не только сложившейся научной традицией, но и данными полевой работы: в ходе интервью сами информанты, не прибегая к строгой научной или теологической терминологии, используют это слово для описания доисламских верований своих предков. «Архаика» в контексте работы определяется как совокупность культурных реликтов – верований и практик доисламского происхо-

---

¹ Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. М., 1998. № 6. С. 76

² Романова Н.П. Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект // Вестник Забайкальского государственного университета, №3, 2009. С. 132-138.

³ Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М.: «Вече»-АСТ, 1999. Т. 2. С. 294.

ждения, реконструируемых по фольклорным и этнографическим (XVIII-XIX вв.) источникам и выявляемых в виде пережиточных форм в современной ритуальной жизни. Их устойчивость, проявляющаяся как «отголосок» древних пластов культуры в новых эпохах, обеспечивает уникальную возможность для реконструкции основ традиционного мировоззрения и этнической истории ингушского народа.

В данном исследовании *объектом* выступает традиционная культура ингушского народа. *Предметом* исследования стал социальный статус ингушской женщины в прошлом и настоящем.

В качестве *цели* исследования избрано детальное и всестороннее изучение социального статуса ингушской женщины в исторической динамике в период с XIX по XXI вв.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские *задачи*:

- провести анализ трансформации обрядов жизненного цикла ингушей, которые связаны с ключевыми этапами жизненного пути ингушской женщины, включая рождение, бракосочетание и смерть;

- исследовать эволюцию социального статуса ингушских женщин в различные исторические периоды, учитывая их меняющиеся социальные роли, начиная с периода девичества, вступления в брак, роли жены, матери и бабушки, а также статусов разведённой женщины и вдовы;

- определить роль и место женщины в социокультурном пространстве ингушского этноса в период с XIX по XXI вв.;

- провести анализ факторов, препятствовавших процессу социализации ингушских женщин в прошлом в условиях традиционного общества, а также в настоящем, учитывая сохраняющиеся особенности маргинального статуса разведённых женщин ингушской национальности;

- провести анализ особенностей женской одежды ингушей и её трансформацию в исторической перспективе;

- исследовать подходы к образованию и трудоустройству ингушских женщин, а также их влияние на процессы социальной интеграции женщин в ингушском обществе.

Хронологические рамки исследования очерчены XIX – началом XXI вв. Изучение темы в рамках указанного периода обусловлено тем, что первые этнографические сведения, касающиеся статуса ингушской женщины, появились в середине XIX в., а последние собраны автором в период полевых исследований в начале XXI в.

Географические рамки исследования охватывают территории Республики Ингушетии, а также Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания, где проживает более 10 000 ингушей. В рамках

онлайн-исследования были получены данные об ингушках, проживающих за пределами указанных республик, подверженных адаптации к новым социокультурным условиям иноэтничной среды.

Методология работы основана на принципах историзма, объективности и целостности, а также на сравнительно-историческом, хронологическом, синхронном и диахронном исследовании.

Сравнительно-исторический метод позволил рассмотреть социальный статус ингушской женщины поэтапно, через призму временных изменений. Ретроспективный и хронологический методы исследования позволили увидеть, как менялись традиции ингушей под влиянием различных процессов, происходивших в обществе.

При описании процессов изменения традиций широко использовался метод синхронного и диахронного исследования. Синхронный метод позволил описать статус ингушки через призму её функций и оценить его в контексте традиционных ценностей этноса. Диахронный подход позволил выявить изменения в культурных нормах ингушей, повлиявших на восприятие статуса ингушской женщины в обществе, отражая трансформации её роли в этносе в период с XIX по начало XXI вв.

Социологические методы исследования, такие как интервью, включенное наблюдение, телефонные и очные опросы, анализ социальных сетей (Social Media Analysis), обеспечили получение обширных эмпирических данных. В фокусе нашего внимания находился пользовательский контент (тексты, изображения, комментарии, метаданные), позволяющий выявить как репрезентацию традиционных норм, так и активно функционирующие формы их трансляции и интерпретации в цифровом пространстве.

На основе применения данных методов был осуществлён анализ как исторических и современных этнографических свидетельств о повседневной жизни ингушек, так и актуальных в традиционной среде нормативных представлений о женском идеале.

Обращаясь к **степени изученности проблематики**, следует отметить, что в рамках анализа существующих научных трудов и исследований, освещающих различные аспекты быта ингушей, было выявлено отсутствие работ, где женщина выступала бы в качестве основного объекта исследования. Традиционное положение женщины в ингушском обществе рассматривалось исключительно в контексте общей этнографической характеристики, при этом вопросы, связанные с социальной ролью и статусом женщин, оставались недостаточно изученными. Настоящее диссертационное исследование призвано восполнить данный пробел, опираясь на комплексный анализ архивных источников, литературы, материалов полевых исследований автора.

Этнографический аспект историографии формирует базис для реконструкции традиционного уклада жизни. В процессе подготовки исследования были проанализированы источники, позволяющие косвенно оценить бытовые условия и социальную действительность ингушских женщин конца XIX в. Особое внимание уделялось трудам участников научных экспедиций, таких как И.А. Гильденштедт «Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг.» (2002 г.), П.С. Паллас «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793-1794 гг.» (1996 г.), Ю. Клапрот «Путешествие на Кавказ и Грузию, предпринятое в 1807 и 1808 годах» (2005 г.), а также чиновников и военных (П.Г. Бутков «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.» (1869 г.), С. Броневский «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (1823 г.), Ф.И. Леонтович «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» (1882 г.), И.Ф. Бларамберг «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» (1992 г.), чьи описания содержат ценные, хотя и фрагментарные, наблюдения. Эти источники в дальнейшем стали основной для многих научных работ по этнографии ингушей. Качественный скачок связан с работами первых ингушских исследователей, опубликованных в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Бесценным источником стал специальный труд Ч.Э. Ахриева «Об ингушских женщинах» (1871 г.), остающийся уникальным по своей целевой направленности. Последующая этнографическая традиция, представленная исследованиями Н.Ф. Грабовского «Ингуши (их жизнь и обычаи)» (1876 г.), Н.Ф. Яковлева «Ингуши» (1925 г.), Б.К. Далгата «Материалы по обычному праву Ингушей» (1929 г.), Е.И. Крупнова «Средневековая Ингушетия» (1971 г.), Я.С. Смирновой «Семья и семейный быт народов Северного Кавказа» (1983 г.), Ф.И. Кудусовой «Семья и семейный быт ингушей» (1991 г.), рассматривала женщину в составе семьи и общины, детализируя её обязанности в обрядах жизненного цикла, хозяйственной деятельности и системе родства. В современный период фундаментальные труды Л.Т. Агиевой «Этнография ингушей», П.Х. Акиевой «Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла)» (2017 г.), а также «Женское пространство в культуре народов Кавказа» (2001 г.) Ю.Ю. Карпова обеспечили теоретико-методологическую основу для анализа. Однако даже эти комплексные работы не ставили своей центральной задачей проследить историческую динамику именно социального статуса ингушской женщины как самостоятельной научной проблемы.

Религиозный аспект изучения является ключевым для понимания нормативных оснований гендерных ролей. Дореволюционная исто-

риография фиксировала синкретизм языческих и мусульманских верований, но не углублялась в их гендерную специфику. Советская наука, представленная работами М.А. Абазатова «О вреде пережитков шариата и адатов в Чечено-Ингушетии и путях их преодоления» (1963 г.), А.И. Авксентьева «Ислам на Северном Кавказе» (1984 г.), рассматривала религию, включая ислам, как негативный пережиток, препятствующий раскрепощению женщины. Кардинальный пересмотр этого подхода произошёл в постсоветский период. Исследования В.Х. Акаева «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе» (2004 г.), посвященное суфизму, работа В.В. Хевсакова «Генезис религиозных воззрений ингушей» (2004 г.), а также фундаментальный труд М.С.-Г. Албогачиевой «Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI в.)» (2021 г.) позволили глубоко проанализировать ислам не как монолитную догму, а как систему практик и институций, гибко взаимодействующую с адатом и активно влияющую на конструирование женской идентичности, моральных норм и моделей поведения. Работы П.Х. Акиевой «Ретроспективный взгляд на развитие мусульманской уммы в Ингушетии» (2015 г.), М.С.-Г. Албогачиевой «Женские суфийские практики громкого зикра в Ингушетии» (2018 г.); М.С.-Г. Албогачиевой «Тебя любя, себя творю: из опыта суфийских практик ингушских женщин» (2023 г.) дают материал для понимания степени вовлеченности ингушских женщин в религиозную жизнь и их особых сакральных функций.

Тема женского пространства и статуса в традиционной культуре народов Северного Кавказа получила целенаправленную разработку в ряде специальных исследований. Фундаментальный вклад в её изучение внесли Ю.Ю. Карпов, глубоко исследовавший гендерные аспекты общественной организации горцев, а также О.С. Мутиева, Б.Р. Рагимова и М.Б. Гимбатова, работы которых посвящены роли и социокультурным практикам женщин в регионе. Отдельные аспекты проблемы также рассматривались в трудах таких авторов, как Ю.Д. Анчабадзе, З.Н. Сиражудинова, М.М. Гусейнов и др.

Правовой аспект историографии концентрируется на нормативных системах, регулировавших положение женщины. Классические записи адатов, собранные Ф.И. Леонтовичем «Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» (1882 г.) и Б.К. Далгатом «Материалы по обычному праву ингушей» (1930 г.), остаются основой для анализа правового статуса ингушской женщины в традиционном обществе. Современные исследования правовых систем, такие как работы А.Х. Абазова «Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в.» (2017 г.), Д.Х.

Сайдумова «Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.)» (2014 г.) и в особенности цикл статей М.С.-Г. Албогачиевой о функционировании трехзвенного суда (адатного, шариатского и российского) «Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.)» (2008 г.) и других, позволили выявить правовые рамки и противоречия, в которых существовала ингушская женщина в исследуемый период. Анализ трансформации адата и шариата в советский и постсоветский периоды, представленный в трудах М.С.-Г. Албогачиевой «Роль адата и шариата в российской правовой системе» (2014 г.) и М.М. Айбатова «Государственно-правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.)» (2006 г.), показывает механизмы легитимации или маргинализации прав женщин в меняющемся политико-правовом поле.

Современный аспект (конец XX – начало XXI в.) рассматривается через призму исследований, отражающих сложные трансформации ингушского общества. Работы М.М. Зязикова «Традиционная культура ингушей: история и современность» (2004 г.), З.М.-Т. Дзараховой «Вековые устои ингушской семьи» (2021 г.) и Л.М. Евлоевой «Современная ингушская семья: этносоциальный портрет» (2019 г.) фиксируют новую социальную реальность. Они раскрывают противоречивое положение женщины, находящейся под одновременным воздействием религиозного возрождения, глобализационных вызовов, экономических факторов и активного обсуждения гендерных вопросов в публичном поле. Работа М.С.-Г. Албогачиевой «Ингушская женщина в городской и сельской среде» является одной из немногих, напрямую затрагивающих дифференциацию статуса в условиях урбанизации.

Таким образом, историография проблемы, при всей её обширности и наличии фундаментальных исследований по смежным темам, не содержит специального комплексного труда, прослеживающего изменение социального статуса ингушской женщины на протяжении длительного исторического периода – от интеграции в Российскую империю до наших дней – как результата взаимодействия этнокультурных традиций, религиозных норм, государственной правовой политики и вызовов современности.

Источниковую базу диссертационного исследования составляет комплекс разнохарактерных материалов, что отражает междисциплинарный подход к изучению феномена социального статуса ингушской женщины и обеспечивает его многоуровневый анализ – от исторической реконструкции до фиксации актуальных трансформаций.

Основной корпус источников составляют полевые этнографические материалы, собранные автором в 2022–2026 гг. в ходе многолетней экспедиционной работы. Полевые изыскания охватили все адми-

нистративные образования Республики Ингушетия (города Магас, Назрань, Сунжа, Карабулак, а также Джейрахский, Малгобекский, Назрановский и Сунженский районы), сельские поселения Альтиево, Галашки, Сурхахи, Экажево, Бейни, Кантышево, Яндаре, Верхний Алкун, Алкун, Джейрах, Нестеровская, Новый Редант, Мужичи, Алкун, Долаково, Плиево, Нижние Ачалуки, Средние Ачалуки, Верхние Ачалуки, а также Пригородный район Республики Северная Осетия-Алания.

Ключевыми результатами полевой работы, выступающими уникальным источником устной истории и современных социальных практик, стали:

- аудиозаписи глубинных интервью с носителями традиции различных возрастных и социальных групп;
- полевые дневники с детальным описанием наблюдаемых ритуалов и социальных взаимодействий;
- фотодокументация обрядов жизненного цикла. Особую научную ценность представляет применение метода включённого наблюдения. Этот подход позволил зафиксировать не только внешнюю, процедурную сторону явлений, но и понять их внутреннюю символическую логику и контекстуальные смыслы.

В ходе подготовки диссертации использовались материалы цифровой среды (киберпространства). Для анализа современных общественных дискуссий, трансформации обрядовых практик и ценностных ориентаций, особенно в молодежной среде, был проведён контент-анализ публичных коммуникаций в социальных сетях на тематических форумах и региональных интернет-порталах. Изучение пользовательского контента (постов, комментариев, видеоблогов), посвящённого вопросам прав, обязанностей, социальной роли и идеального образа женщины, позволило выявить актуальные тенденции и латентные конфликты в массовом сознании. Метод киберэтнографии предоставил доступ к данным о формировании новых цифровых форм обрядовости, нормативных спорах и сдвигах в идентичности, которые часто остаются неартикулированными в рамках формализованных интервью.

Для исторической реконструкции и прослеживания динамики статуса женщины на различных этапах исторического развития был привлечен корпус архивных документов. Основу этой группы составили неопубликованные материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А, в частности, ф. 12, оп. 3, д. 216), а также рукописного отдела Российской государственной библиотеки (Ф. 169, п. 81, № 7). Эти документы, отражающие взаимодействие традиционного адата, исламских

норм и имперской (а позднее советской) административной политики, являются ключевыми для понимания правовых и социальных механизмов, регулировавших положение ингушской женщины в XIX – первой половине XX вв.

Важную роль в сравнительно-историческом анализе сыграли опубликованные своды фольклорно-этнографических материалов. «Антология ингушского фольклора», содержащая записи экспедиций прошлого, позволила провести диахронные сопоставления обрядовых и нормативных комплексов. Особое значение для выявления архаичных слоев культуры и идеализированных социальных моделей имеет Нартский эпос, в структуре и сюжетах которого ярко отражены базовые представления о предназначении, добродетелях и социальной роли женщины.

Ввиду глубокой исламизации ингушского общества с конца XVIII – начала XIX вв., в исследовании проанализированы вероучительные тексты и нормативные источники ислама: Коран, сунна, положения шариата, а также труды авторитетных мусульманских богословов. Это позволило оценить степень, характер и механизмы влияния исламской догматики и этики на формирование статуса ингушской женщины как в исторической ретроспективе, так и в условиях современного религиозного возрождения.

Теоретико-методологический фундамент и сравнительный контекст исследования обеспечила обширная научная литература – труды ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области этнологии, социальной и культурной антропологии, гендерных исследований, религиоведения и кавказоведения. Таким образом, привлечённый многоаспектный комплекс источников – от архивных документов и полевых записей до данных цифровых платформ и религиозных текстов – формирует надёжную репрезентативную и взаимодополняющую основу для всестороннего изучения статуса ингушской женщины. Данный подход обеспечивает достоверность, глубину и обоснованность выводов диссертационного исследования, позволяя адекватно отразить сложность и многогранность изучаемого феномена.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная диссертация, синтезируя достижения предшественников, архивные данные и собственные полевые материалы, направлена на создание целостной картины о месте и роли женщины в общественной и семейной жизни ингушского народа прошлого и современности.

В патриархальном обществе всегда существовала некая дискриминация женской половины общества, однако нам удалось проследить, как деструктивные и конструктивные процессы влияли на трансфор-

мацию или сохранение некоторых прав и обязанностей женщин. Многие традиции, а также гендерные стереотипы продолжают существовать в повседневных реалиях ингушского народа и в наши дни.

Теоретическая значимость. Сегодня ингушская женщина проживает свою жизнь на пересечении этнических, религиозных и светских традиций, а также современных вызовов, что создает почву для переосмысления её социального статуса.

Углубленное изучение этой темы позволит открыть новые пути для достижения гендерного равенства в ингушском обществе и, возможно, вывести на новый уровень социальные права и обязанности женщин. Проведение данного исследования имеет долгосрочную перспективу с точки зрения укрепления социальной структуры региона, стимулирования качественных преобразований культурных и социальных устоев, создания основы для более справедливого и устойчивого общества.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее результатов для разработки и реализации социальных программ, направленных на улучшение положения женщин в ингушском обществе.

Полученные данные могут быть использованы для повышения гендерной осведомленности, расширения доступа женщин к образованию и занятости, а также для преодоления традиционных стереотипов, ограничивающих их возможности.

Исследования социального статуса женщины напрямую связаны с вопросами духовной культуры и принципами межличностных отношений в современном ингушском обществе. Они помогают провести анализ влияния главных медиаторов воздействия на статус ингушки, таких как традиционные нормы, гендерные стереотипы и современные вызовы, выявить положительные и отрицательные тенденции на пути культурного и социального прогресса в регионе. Являясь хранительницами традиций и культурных ценностей своего народа, ингушские женщины играют важную роль в формировании нового социокультурного облика общества, который одновременно глубоко чтит историческую память и открывается новым реалиям.

Результаты исследования могут также быть использованы в образовательном процессе, в частности, при подготовке специалистов в области истории, этнологии, этнографии, социологии и гендерных исследований. Они представляют практический интерес для преподавателей школ, средних и высших учебных заведений, интересующихся проблемами истории народов Кавказа.

Положения, выносимые на защиту:

– обряды жизненного цикла ингушской женщины (рождение, бра-

косочетание, смерть) претерпели значительную трансформацию под влиянием смены религиозных парадигм (язычество → христианство → ислам), урбанизации и модернизации, что нашло отражение в синкретизме архаических и исламских элементов при сохранении базовых культурных констант (родовая солидарность, гендерная сегрегация ритуальных ролей);

– социальный статус ингушской женщины на различных этапах ее жизненного пути (девичество, невеста, сноха, жена, мать, бабушка, разведенная, вдова) эволюционировал от жестко предписанного родовыми нормами к более дифференцированному, сочетающему традиционные ожидания и личную позицию, при этом инвариантными остаются приоритет родовых интересов, репутационная ответственность и сакрализация материнства;

– роль и место ингушской женщины в социокультурном пространстве трансформировались от преимущественно приватной сферы (хранительница очага, носительница этнического кода) к активному участию в публичной жизни (образование, профессиональная занятость, социальная активность), что обеспечило повышение её социальной мобильности и личностной автономии в рамках устойчивой этнокультурной традиции;

– факторами, препятствовавшими социализации ингушских женщин в прошлом и сохраняющимися в настоящем, выступают патриархальный уклад социальных отношений, приоритет родовых интересов над индивидуальными, патрилинейный принцип принадлежности детей, стигматизация разведённых женщин (статус «*жеро*») и плюрализм правовых систем (адат, шариат, светское право), создающий зоны напряженности при разрешении семейно-правовых конфликтов;

– женская одежда ингушей эволюционировала от жёстко регламентированного маркера социального статуса (возраст, семейное положение) к современному синтезу этнических, религиозных и модных тенденций, где хиджаб и скромные формы одежды выступают маркерами этноконфессиональной идентичности;

– доступность образования и расширение возможностей трудоустройства стали ключевыми катализаторами социальной интеграции и эмансипации ингушских женщин, обеспечив их доминирование в социально-гуманитарной сфере и высокий уровень профессиональной самореализации при сохранении некоторых ограничений в доступе к высшим управленческим должностям.

Апобазис работы. Степень достоверности диссертации подтверждается вводом в научный оборот большого объема нового этнографического материала, собранного автором в ходе многолетних полевых исследований. Достоверность исследования также обоснована

полнотой привлекаемого эмпирического материала и комплексностью его анализа, базирующегося на знании отечественной и зарубежной историографии. В ходе подготовки диссертационного исследования была осуществлена апробация результатов в виде публикаций в научных изданиях (в том числе 3 публикации в журналах из списка ВАК, а также 3 статьи в сборниках и журналах, индексируемых в системе РИНЦ).

Основные положения исследования были представлены в докладах на международных и всероссийских конференциях и форумах:

– семинар Отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Кунсткамера РАН – «Кавказ: перекресток культур», 24 марта 2022 г.

– Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 16–18 мая 2022.

– Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 15–17 мая 2023.

– Международной научно-практической конференции, г. Астана, 12 мая 2023 г.

– Научно-практический семинар «Психология семейных отношений: этнокультурные особенности» в Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, 11 ноября 2025 г.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры «Отечественная история» Научно-образовательного центра федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (протокол № 02 от 06.02.2026 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав (11 параграфов), заключения, списка литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дана общая характеристика работы: обоснована актуальность темы и степень ее изученности, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, сформулированы цели и задачи, изложены теоретические и методологические основы диссертационной работы, аргументированы её практическая значимость и научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава нацелена на раскрытие исторических и современных форм традиционных практик ингушей, связанных с обрядами жизненного цикла женщины. Глава состоит из трех параграфов, посвящённых ключевым событиям в жизни ингушки: рождение, свадьба, смерть. В каждом параграфе раскрывается имеющаяся научная инфор-

мация об исторических проформах традиций и их нынешних формам. Параграфы данной главы выполняют задачу раскрытия основ формирования социальной роли женщины в ингушском обществе и бытовых условий, влиявших и влияющих на самоидентификацию ингушки и образ её жизни. Кроме того, сделан анализ эволюции традиций, дающий возможность в исторической динамике рассмотреть все этапы, связанные с социальным статусом ингушской женщины.

В п. 1.1 «Родильные обряды и обряды воспитания девочки» анализируется сложная система ингушских традиций, связанных с беременностью, родами, имянаречением, а также рассматривается символическое значение ингушской колыбели. В работе выявлен контраст между архаичными родовыми обычаями (с участием повитух в хозяйственных постройках) и современной практикой родовспоможения в медицинских учреждениях, что обусловлено влиянием урбанизации на этнос.

Особое внимание уделено традициям воспитания девочек: если в прошлом девочка рассматривалась прежде всего как хранительница очага и воплощение чести рода, то в современном ингушском обществе она выступает не только как продолжательница рода, но и как активный член социума. Данная трансформация воспитательных практик свидетельствует о глубинных изменениях в системе традиций, связанных со статусом ингушской женщины.

В п. 1.2 «Замужество (формы брака, многоженство, калым)» рассматриваются формы брака, существовавшие у ингушей в прошлом, а также их трансформация в современных условиях. Анализируются такие явления, как многоженство и калым. Брачные традиции ингушей отражают эволюцию общества: переход от строгих родовых устоев, определявших выбор брачующихся сторон, к современному, более гибкому подходу, учитывающему личное мнение и чувства женщины. В условиях урбанизации, культурной модернизации и реисламизации традиционные формы брака (похищение невесты, сватовство в младенческом возрасте, сорорат, левират) уходят в прошлое, уступая место новым тенденциям. При этом ключевые ценности – репутация и добровольное согласие пары на союз – остаются неизменными. Сватовство как наиболее устоявшаяся форма брака продолжает эволюционировать, предоставляя возможности как для приверженцев традиции, так и для сторонников трансформации традиционных практик.

Особое внимание в параграфе уделяется современным проблемам. Тенденция к заключению «тайных» браков, скрываемых от широкой общественности, указывает на необходимость пересмотра отношения к открытости социальных взаимоотношений при соблюдении этнических норм. Кроме того, в ингушском обществе сохраняется ориента-

ция на моноэтнические браки, что приводит к существенной социальной проблеме – значительному количеству незамужних женщин. Данная ситуация свидетельствует о наличии социальной несправедливости, когда женщины нередко вынуждены соглашаться на роль вторых или третьих жен, чтобы родить ребенка в браке, либо оставаться одинокими.

В п. 1.3 «Похоронная обрядность» исследовательский интерес был обращен к роли женщины в этой консервативной части жизненного цикла.

В параграфе рассматривается похоронная обрядность ингушей как сложное и многогранное явление, в котором переплетаются элементы языческих верований, христианских обычаев и исламских предписаний. Похоронная обрядность на протяжении веков претерпевала значительные трансформации, отражая смену религиозных парадигм и культурных влияний.

В настоящее время в ингушском этносе наблюдается сочетание традиционных ритуалов и современных интерпретаций, где древние суеверия сосуществуют с нормами шариата. При этом похоронные обряды не существуют статично, а продолжают развиваться и адаптироваться к меняющимся социально-экономическим и религиозным веяниям современного периода.

В результате исследования установлено, что как в прошлом, так и в современности значительных различий в погребальных ритуалах, касающихся женщин и мужчин, не прослеживается. В то же время социальный статус ингушской женщины не был статичным, а представлял собой динамическую систему, эволюционировавшую в течение жизни в зависимости от возраста, семейного положения и успешности выполнения предписанных обществом ролей.

Глава 2 «Динамика статуса ингушской женщины и его трансформации» посвящена анализу ключевых статусных позиций, составлявших жизненный путь женщины в ингушском обществе: незамужняя ингушка, молодая сноха, замужняя женщина, мать, «старшая» женщина двора, ингушка в разводе, вдова. В главе исследуются механизмы трансформации социального статуса женщины при переходе из одной фазы в другую.

Автор показывает, что каждая фаза жизненного цикла характеризовалась специфическим набором прав, обязанностей, ограничений и степеней свободы, что позволяло выстроить сложную иерархию внутри гендерной системы.

П. 2.1 «Незамужняя ингушка» отражает этапы трансформации образа жизни ингушской девушки до вступления в брак на разных этапах развития ингушского общества.

Статус незамужней девушки был переходным. С одной стороны, девушка находилась под строгой опекой и защитой отцовского рода, её честь (инг. «сий») была неотъемлемой частью семейной репутации. Высоко ценились скромность, трудолюбие и целомудрие, подкрепляемые жёстким контролем поведения и досуга. Её основная социальная функция заключалась в подготовке к замужеству, что определяло методы воспитания и обучения. При этом она обладала минимальной личной автономией: её брак чаще всего был предметом решения старших мужчин семьи. До брака на нее не ложилась вся тяжесть хозяйственных обязанностей замужней женщины, а в рамках детских и девичьих возрастных групп существовали свои, относительно свободные, формы коммуникации. Её статус был неопределённым и временным, а его успешное завершение виделось только в переходе в следующую социальную группу. Со временем статус незамужней девушки претерпел значительную трансформацию, сохранив, однако, ряд ключевых традиционных элементов. По-прежнему, обязательным является сохранение целомудрия девушки, высоко ценятся семья, честь и достоинство, а уважение к родителям и старшим остается фундаментальной нормой. Социальный контроль, особенно в сельской местности и консервативных семьях, всё еще ощутим, а вопросы брака зачастую обсуждаются с участием старшего поколения.

Тем не менее процессы урбанизации, массовое высшее образование и экономическая самостоятельность женщин создали принципиально новые условия. Современная ингушская девушка, как правило, обладает несравнимо большей личной свободой. Ей доступно продолжительное обучение, профессиональная карьера и активная общественная жизнь до брака. Кроме того, её мнение при вступлении в брак в большинстве семей становится определяющим.

II. 2.2 «Молодая сноха» отражает особенности статуса первых лет жизни женщины после вступления в брак. Этот период для ингушской женщины был испытательным и характеризовался почти тотальным ограничением прав. Она обязана была демонстрировать абсолютное почтение и послушание не только мужу, но и всем старшим членам семьи его рода, особенно свёкру и свекрови. На неё возлагались наиболее трудоёмкие домашние работы, а её поведение, включая манеру речи, одежду и даже взгляд, подвергалось постоянному контролю и оценке. Ей запрещалось называть по именам старших членов семьи супруга, первой заговаривать со старшими, показываться на людях без необходимости и без разрешения посещать родительский дом. Её интеграция в новую семью была постепенной, а социальный капитал – минимальным. Повышение статуса напрямую связывалось с рожде-

нием ею детей, особенно сыновей.

В современности этот обряд перехода хотя и утратил свою прежнюю силу, но продолжает функционировать, адаптируясь к вызовам нового времени. Его рамки стали гибче, а проявления – менее ритуализированными и обязательными, однако глубинная логика постепенного встраивания «чужой» женщины в патриархальную структуру рода мужа сохраняет свою силу, особенно в сельских и консервативных городских сообществах. Испытательный характер первых лет брака по-прежнему ощутим: молодая жена обязана демонстрировать подчеркнутое уважение к старшим родственникам супруга, в первую очередь к свекрови, которая остается главной членом семьи в вопросах домашнего уклада и этикета. На молодую сноху по-прежнему ложится значительная часть бытовых обязанностей, а ее поведение, манеры и даже стиль одежды могут подвергаться внимательному, а порой и пристрастному оцениванию и при необходимости критике.

П. 2.3 «Замужняя женщина, мать» посвящен рассмотрению трансформации её статуса в исторической динамике.

Рождение детей, и в первую очередь сыновей, становилось ключевым поворотным моментом, легитимизирующим положение женщины в семье. Статус замужней женщины и матери (инг. «нана») был более устойчивым и уважаемым. Она получала больше прав в ведении внутреннего хозяйства, установлении отношений внутри женской половины семьи и воспитании детей. Её авторитет в глазах мужа и его родственников, как правило, укреплялся. Материнство обеспечивало ей всестороннюю поддержку и долгосрочные социальные гарантии в виде сыновей, которые в будущем обязаны были о ней заботиться и при необходимости поддерживать. Однако её общественная жизнь и принятие значимых семейных решений по-прежнему оставались сильно ограниченными. Её основная сфера влияния концентрировалась в рамках домашнего пространства и детско-родительских отношений. Она выступала хранительницей бытовых ритуалов и устной традиции в семье.

В настоящее время материнство сохраняет свою сакральную и социальную значимость, оставаясь центральным элементом идентичности женщины и ключом к её полной интеграции в семью супруга. Женщина с образованием и профессией активно участвует в общественной жизни, её социальные контакты и круг общения значительно шире. Она выбирает, какие элементы традиции усилить, а какие смягчить в воспитании нового поколения. Это делает её не просто пассивным носителем, но активным интерпретатором и транслятором культуры, что даёт ей значительную, хотя часто невидимую, власть в формировании семейной идентичности.

П. 2.4 «Старшая» женщина двора» отражает еще одну форму смены статуса женщины в ингушской семье. Достигнув зрелого возраста и имея взрослых сыновей, женщина могла подняться на высшую ступень женской иерархии внутри семьи – стать «старшей» женщиной двора. Этот статус предполагал существенное расширение власти и влияния. Она руководила младшими невестками и дочерьми, распределяла женские работы, управляла домашними запасами, часто играла ключевую роль в организации семейных праздников и значимых событий. Её мнение по внутрисемейным вопросам, особенно касающимся браков, воспитания и быта, становилось весомым для мужчин-глав семьи. Она становилась связующим звеном между поколениями и пользовалась особым уважением. Однако эта власть оставалась делегированной и реализовывалась в рамках, очерченных мужской частью рода. Её публичный статус по-прежнему был вторичным по отношению к статусу мужчин аналогичного возраста и положения.

В современности путь к статусу «старшей женщины» двора трансформирован, но сохраняет свою ценность как вершина женской социальной реализации внутри семейной системы. Он остается доступным и значимым, особенно в крупных патрилокальных семьях, где сохраняется сложная структура родственных отношений.

Процесс обретения этого авторитета сегодня зависит не только от возраста и состава семьи, но и её личных качеств. Её авторитет укрепляется за счет соблюдения традиционных норм и часто – успешного выполнения роли матери и хозяйки в течение жизни. Женщина, достигшая этого положения, по-прежнему берет на себя руководство женской частью семьи: распределяет обязанности между невестками и внуками, контролирует сохранение и передачу домашних ритуалов, организывает приготовление пищи для больших семейных событий и праздников. Она является главным арбитром в конфликтах между женщинами двора и хранителем «женских» знаний – от кулинарных секретов до правил воспитания детей и ухода за больными.

П. 2.5 «Ингушка в разводе» показывает, что развод для женщины в традиционном обществе был крайне редким и социально порицаемым явлением, кардинально менявшим её статус в сторону маргинализации.

Инициатива развода почти всегда исходила от мужа, но бывали случаи, когда женщина сама просила развода, несмотря на последствия. Разведённая женщина оказывалась в сложном положении: она обычно возвращалась в родительский дом без детей и занимала слабые позиции из-за того, что воспринималась как «не сумевшая ужиться в собственной семье». Разведённую женщину в обществе называли

«*жеро*» («несчастливая женщина»). Её дети традиционно оставались в семье бывшего мужа, их отца. Матери часто утрачивали связь с детьми на долгие годы. Их социальная и экономическая защищённость резко падала. Такой статус был одним из самых уязвимых, заставляя женщину искать поддержки у родственников или вновь выйти замуж, часто на менее выгодных условиях. Развод служил мощным социальным фактором, удерживавшим женщин в браке даже при неблагоприятных обстоятельствах.

В современности институт развода для ингушской женщины остаётся сложным и противоречивым явлением, однако её социальное и правовое поле существенно изменились, сделав этот процесс более доступным, хотя и не лишённым тяжёлых последствий. Традиционный барьер, основанный на строгом общественном порицании, ослаблен, особенно в городской среде и среди поколений, получивших образование. Женщина теперь может выступать инициатором расторжения брака, ссылаясь на законодательство Российской Федерации, которое гарантирует ей это право. Вместе с тем процесс развода редко становится простым юридическим актом. Он остаётся глубоко социальным событием, затрагивающим репутацию не только женщины, но и её родственников. Клеймо «*жеро*» в общественном сознании постепенно теряет свою абсолютную силу, но сохраняется как мощный психологический и социальный фактор, влияющий на поведение женщины. Разведённая женщина все еще может столкнуться с общественным осуждением, но наиболее травматичным аспектом остаётся вопрос детей. Согласно традиционным установкам и обычаям, дети, особенно сыновья, после развода должны оставаться в семье отца. Это правило остаётся чрезвычайно сильным и часто реализуется даже в случае, когда юридические нормы могли бы предоставить матери право на совместное проживание с ребенком. Сохранение связи с детьми, оставшимися в доме бывшего мужа, превращается в постоянную эмоциональную драму и сложную логистическую проблему. Общение может быть ограничено или контролироваться родственниками бывшего супруга. Материнские права в этой ситуации оказываются сильно урезанными неформальными общественными нормами, что делает развод для женщины с детьми особенно тяжёлым испытанием.

П. 2.6 «Вдова» отражает статус женщины, у которой умер муж. Её статус можно рассматривать как амбивалентный. С одной стороны, она пережила тяжёлую утрату и потеряла главного кормильца и защитника. С другой, если у нее есть взрослые сыновья, её положение остается относительно стабильным. Исторически она наследовала право на заботу со стороны сыновей и часто сохраняла влияние в семье как мать. В случае отсутствия сыновей её судьба могла быть труд-

ной, зависящей от доброй воли братьев покойного мужа или её собственных кровных родственников. Общество предписывало вдове соблюдать строгие правила траура в поведении и одежде, что публично маркировало её новый статус. Иногда в прошлом ей предлагалось вступить в левиратный брак с родственником умершего мужа.

В отличие от разведённой женщины вдова воспринималась с сочувствием и почтением, а её статус, хотя и был связан с потерей, не нёс на себе клейма социальной девиации. Он мог даже обрести черты почтенной «старшей» женщины, если она успешно руководила семьей в отсутствие мужа.

В современности положение вдовы существенно изменилось. Государственная поддержка в виде пенсий и пособий, а также доступность образования и трудоустройства создали для неё важный финансовый буфер. Экономическая свобода снизила абсолютную зависимость от родственной поддержки, предоставив ранее недоступную степень личной автономии, особенно в городской среде.

Однако новая самостоятельность вступает в противоречие с устойчивыми традиционными структурами, порождая напряжённость в сфере прав наследования. Наиболее острые конфликты возникают, когда у вдовы нет взрослых сыновей. С одной стороны, законодательство Российской Федерации гарантирует ей имущественные права. С другой стороны, традиционные патриархальные установки часто отводят ей лишь роль временной хранительницы собственности, которая должна перейти к мужской линии рода покойного.

Правила внешнего траура смягчились, стали более индивидуальными, но символическая маркировка статуса сохраняет значение. Практика левиратного брака исчезла.

Таким образом, современный статус вдовы обрел новую двойственность. Он стал экономически более безопасным и лично более свободным, но одновременно – юридически сложным и психологически напряжённым в точке столкновения закона и традиции. Ключевое отличие от разведённой женщины сохраняется: вдова окружена уважением и легитимной скорбью. Однако это уважение не всегда защищает её материальные права. Сегодня ингушская вдова балансирует между традиционной ролью хранительницы очага и новой необходимостью быть самостоятельным субъектом в сложном переплетении современных норм и древних обычаев.

Глава 3 «Социально-культурные аспекты жизни ингушской женщины» показывает, что жизнь ингушской женщины не исчерпывалась обрядами перехода и формальными статусными позициями. Она была погружена в повседневный культурный контекст, где материальные атрибуты и социальные практики выступали как маркеры ее

положения, средств социализации и каналов для ограниченной, но значимой самореализации. Здесь рассматривается два ключевых аспекта этого контекста: визуально-символический, выраженный через традиционный костюм, и социально-экономический, связанный с доступом к образованию и профессиональной деятельности. Анализ этих аспектов позволяет раскрыть, как культурные нормы материализовывались в повседневности и как в этих рамках женщина обретала определённые ресурсы и личностную идентичность.

П. 3.1 «Одежда ингушки» отражает изменения, коснувшиеся внешнего вида ингушки, где основной упор сделан на гардеробе и сравнении его прошлых и современных форм. Особый акцент сделан на головных уборах замужних ингушек, которые имели для них особое значение, так как выполняли магические и защитные функции. Так, после замужества ингушки начинали носить головные уборы, закрывая волосы, что было связано с переходом во власть мужа. Были разные виды головных уборов. «*Курхарс*» или «*чугул*» – высокий головной убор, выполненный из войлока или сукна, украшенный серебряной бляхой. Также носили «*чухта*» (волосяной мешок) и «*члаба*» (повязка). После рождения ребенка повязывали голову платком и надевали шаль.

Современные замужние ингушки носят платки, косынки, либо мусульманские хиджабы.

Одежда ингушек, называемая «*барзкъ*», в прошлом изготавливалась из льна, шерсти, хлопка и фабричных тканей. В XIX в. ингушки носили расшитые шелком платья, верхние юбки до икр, архалуки и белые платки. В конце XIX и начале XX вв. были распространены длинные рубахи, а рабочая одежда состояла из шароваров и рубахи.

Праздничный наряд «*чуххи*» изготавливался из шелка, бархата, парчи, включал шапочки, нагрудники, пояса и головной убор «*курхарс*». Невесты надевали «*чуххи*» белого цвета.

С присоединением Кавказа к Российской империи стали появляться новые элементы одежды, ткани и предметы роскоши. Владикавказ оказал влияние на моду, привнеся в неё европейские элементы. В XX в. ингушки в городах носили нарядные платья, а в селах предпочитали повседневные.

В наши дни ингушкам доступны разные модели одежды, однако большая часть женщин соблюдает строгость в одежде, нося юбки и платья ниже колена, закрывая декольте, плечи, спину, живот, и нередко дополняя образы косынками. Многие современные ингушки от 10 лет и старше носят хиджаб, проявляя при этом вкус и изобретательность.

П. 3.2 «Образование и работа» отражает анализ эволюции основ-

ных социальных возможностей ингушской женщины в контексте исторического развития. Особое внимание уделяется рассмотрению изменений в таких ключевых областях, как образование и трудоустройство женщин.

Для всестороннего рассмотрения этого вопроса выделено несколько ключевых этапов: эволюция женского образования в Ингушетии на протяжении веков; возникновение и развитие женского образования в ингушском обществе в XX в.; формирование и развитие системы высшего и среднего женского образования в период становления советской власти; современное состояние образования и трудоустройства ингушек.

Так, исследование показало, что в прошлом женское образование носило исключительно религиозный характер, а естественные науки были под запретом. Ингушских девочек воспитывали в духе уважения к традициям и обучали лишь различным народным промыслам, знание которых требовалось в быту.

В начале XX в. с установлением советской власти участие женщин в экономической жизни региона способствовало развитию женского образования. В СССР была создана единая система образования, не разделявшаяся по половому признаку и обязательная для всех. По всему Советскому Союзу была проведена масштабная кампания по ликвидации неграмотности, затронувшая в том числе и ингушей.

Количество грамотных ингушек постепенно увеличивалось, горянок направляли на рабфаки, курсы и в школы. Основными сферами деятельности женщин были здравоохранение, образование и культура.

В настоящее время ингушские женщины обладают широкими возможностями для получения образования и трудоустройства, как в регионе, так и за его пределами. В большинстве ингушских семей, независимо от пола, родители поддерживают стремление своих детей к получению образования.

Женщины в Ингушетии трудоустроены во всех сферах, включая государственные должности. Немало одиноких ингушек, по тем или иным причинам не устроивших личную жизнь, видят самореализацию и стремление к достижению профессиональных целей – главным делом жизни.

В то же время, по результатам анализа гендерного состава некоторых государственных органов в регионе, выяснилось, что ключевые позиции в различных сферах в подавляющем большинстве занимают мужчины. В научных и образовательных учреждениях, а также системах здравоохранения и культуры региона преобладают женщины.

Современная ингушка ориентирована на профессиональный и личностный рост, а также на социальное признание, всё ещё остающеесяся

главным фактором успешности в обществе.

В *заключении* представлены результаты комплексного исследования, направленного на реконструкцию положения и социокультурной роли ингушской женщины в диахроническом аспекте (XIX – начало XXI вв.). Основным объектом анализа выступила динамика социального статуса, исследуемая через призму обрядов жизненного цикла, системы возрастной стратификации и ключевых аспектов повседневности.

Центральным выводом работы является подтверждение тезиса о трансформации статуса ингушки от жёсткой, предписанной традицией детерминации, к значительной ситуативной вариативности и расширению агентности. Изначально в строго стратифицированной патриархальной системе социальный вес, автономия и влияние женщины напрямую коррелировали с её возрастом, репродуктивным успехом (особенно рождением сыновей) и семейным положением. Статус реализовывался опосредованно – через мужчин-родственников (отец, брат, муж, сыновья), а жизненный путь структурировался системой возрастных градаций и обрядов перехода (родильных, свадебных, похоронных), которые закрепляли ключевые социальные роли (дочь, невеста, жена, мать, хранительница очага).

Исследование выявило многоуровневую систему статусов, формируемую пересечением нескольких критериев: возрастного (от «*йулуг*» / от девочки до прабабушки), семейно-брачного («*йол саг*» / незамужняя, «*сесаг*» / жена, «*жеро*» / вдова или разведённая), репродуктивного («*нана*» / мать) и статуса авторитетной хранительницы очага («*фусум нана*»). Наибольшей уязвимостью в этой иерархии традиционно обладали женщины с маргинальными статусами (разведённые, вдовы).

Важнейшим вектором трансформации, детально проанализированным в работе, стало воздействие модернизационных процессов XX в. Урбанизация и советская секуляризация внесли свои коррективы в обряды жизненного цикла, переместив женщину из приватной сферы «двора» в публичные институты (больницы, ЗАГСы, образовательные учреждения).

Депортация ингушского народа (1944-1957 гг.) нанесла тяжёлый удар по культурной преемственности. Однако последующее возвращение и советская политика эмансипации обеспечили женщинам доступ к гражданским правам, образованию и профессиональной деятельности, создав новые, внесемейные траектории социальной реализации.

Парадоксальным образом реисламизация и глобализация конца XX – начала XXI вв. активизировали процессы ретрадиционализации и символического сопротивления унификации. Это ярко проявилось в семиотике одежды, где сосуществуют светские и исламские стили, а

традиционный костюм, эволюционируя, становится инструментом активного конструирования этнической идентичности.

В современный период критерий замужества, сохраняя высокую символическую ценность, перестал быть единственным условием социальной жизнеспособности. Доступ к высшему образованию (около 60% выпускников вузов в регионе – женщины) и профессиональной карьере стал мощным фактором изменения статуса. Женщина получила возможность сочетать ранее немыслимые статусы (например, матери-одиночки и успешного профессионала). Однако сохраняется фундаментальное противоречие между расширенными жизненными стратегиями и устойчивыми традиционными нормами, предписывающими первичность семейно-репродуктивных ролей. Это порождает постоянный конфликт и необходимость балансирования, особенно в таких чувствительных сферах, как наследование, имущественные права (где сталкиваются нормы адата, шариата и гражданского законодательства) и профессиональная самореализация.

Таким образом, социокультурный статус ингушской женщины представляет собой динамическую, многомерную систему. Эволюция данного статуса характеризуется нелинейным движением от предписанности к выбору, в котором внешние исторические вызовы и внутренние адаптивные стратегии формируют сложный социальный ландшафт. В этом контексте традиционные институты и идентичности наполняются новым содержанием, а женщина выступает активным агентом изменений, даже в условиях сохраняющихся структурных ограничений.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

1. Гетагазова А.М. Трансформация традиционной родильной и детской обрядности ингушей в современности // Исторический бюллетень. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 77-83.

2. Гетагазова А.М. Национальные традиции воспитания девочки-ингушки в прошлом и настоящем // История, археология и этнография Кавказа. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 503-517.

3. Гетагазова А.М. Некоторые особенности семейно-брачных отношений в ингушском обществе: история и современность // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 173-188.

Другие научные публикации

4. Албогачиева М.С.-Г., Гетагазова А.М. Трансформации, произошедшие в традициях воспитания ингушской девочки под влиянием ислама // Евразийский мир: история, культура, ценности: Материалы международной научно-практической конференции, Астана, 12 мая 2023 г. – Астана: Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 2023. – С. 213-219.

5. Гетагазова А.М. Традиционные родильные и детские обряды в современных практиках ингушей // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 2(53). – С. 32-44.

6. Гетагазова А.М. Социальный статус вдовы: традиция и современность // Маскулинность на Северном Кавказе: мужественность в контексте безопасности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Махачкала, 11 декабря 2025 года. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2026. – С. 55-63.

